Есть н с чем не сравнимая прелесть в знакомстве с городом, в котором прежде ни разу не бывал. Все вновь, все непривычно глазу, все вызывает острый интерес.

Минувшим летом как-то необычно сильно довелось мне пережить это ощущение в Шюфоне — небольшом городке Венгерской Народной Республики. У нас о нем мало что известно, поскольку не на всякой карте он обозначен и в школьном курсе географии не упоминается. Но венгры называют его прежде остальных, когда заходит речь о курортах на озере Балатон, — крупнейшем в Центральной Европе.

Каждое лето население Шюфона увеличивается в десять-пятнадцать раз. Он становится многолюдным, лестрым, разноязыким. Здесь отыщется немало достойного внимания приезжего. Великолепные здания отелей, водонапорная башня в самом центре городка, увитая плющом и похожая на гигантский гриб, широкий канал, соединяющий Балатон с Дунаем...

Как-то, прогуливаясь по городку, я заинтересовался двухэтажным кирпичным домом неподалеку от железнодорожного вокзала. Точнее — мемориальной доской на фасаде. Прочешь надпись без знания венгерского языка оказалось непосто. Но два слова были предельно понятны: «Имре Кальман».

Я затаил дыхание, прислушиваясь. Казалось, из говора прохожих, из шепота листвы раскидистых вязов, протянувших свои ветви к старинному зданию, из стука колес подходившего к вокзалу поезда рождалась очень зна-

комая бравурная мелодия. Она подхватила меня тугими крыльями и унесла в далекое детство, в родное Иваново.

...Наша мальчишечья жизнь неожиданно обогатилась дотоле неизвестным словом «оперетта». В городе открылся театр музыкальной комедии. Мы не особенно ясно представляли себе, что это такое, и все же мечтали побывать на спектаклях. Произошло это не скоро.

Везет же порой мальчишкам! Один хороший знакомый судил нас постоянным пропуском в театр. Какие это были волшебные вечера! Мы смотрели все подряд: «Свадьбу в Малиновке» и «Холодку», «На берегу Амура» и «Перикола», «Корневильские колокола» и «Жрицу огня»... Но в этом праздничном карнавале, по-мальчишески увлеченные и пристрастные, мы неизменно выделяли оперетты Имре Кальмана. «Сильва», «Марица», «Принцесса цирка», «Фиалка Монмартра», «Баядера» полонили наши юные сердца. И не столько блеском далекой, совершенно чуждой нам жизни, сколько мелодичностью, искрометным оптимизмом музыки. Арии запоминались мгновенно, и мы распевали их по дороге домой.

Память бережно хранит имена тех, кто чаровал зрительный зал прелестью кальмановских мелодий. Андриевская, Альская, Габриэльян, Адамантова, Май, Адамов, Дорэ, Усольцев, Савельев, Матвеев... Время бессильно стертеть оставленный ими след.

Свидания с Кальманом

Помню театр и в тяжелую для страны пору — весной 1942 года. 15 мая — премьера спектакля. Зал, как всегда, переполнен. Это военнослужащие из формирующихся в городе частей. Через неделю-две они будут на фронте, вступят в бой с врагом. Это выздоравливающие из многочисленных госпиталей. Это студенты. Месяц спустя, сдав экзамены, они отправятся на торфяные болота и в лес, чтобы заготовить топливо для города.

Вижу в ложах смуглых, подвижных французских летчиков из эскадрильи, чья слава и почетное наименование «Нормандия — Неман» еще впереди.

Зал погружается во тьму. Звучит увертюра, но в ней не слышно призывного зова боевых труб. Возраст войны — меньше года, и композиторы еще не успели создать произведений, отвечающих духу времени.

Раздвигается занавес, и мы видим давних знакомых — певицу Сильву и влюбленного в нее Эдвина. Немыслимо далеко все происходящее на сцене от сегодняшних наших переживаний и горя. Но почему так восторженно рукоплещут зрители, почему светлы их улыбки и беззаботен смех? Да потому, что подлинное искусство всегда возвышает и облагораживает человека. И радость нынешнего вечера еще долго будет сопровождать его на многотрудном пути к победе, умножая стойкость и мужество в испытаниях.

И еще одно воспоминание приносит тревожная память: 1944 год, военное училище в Подмосковье. В огромном зале столовой — большое возвышение, на котором разместились оркестр. Едва мы курсанты, садимся за обед, капельмейстер взмахивает палочкой. Мелодии из «Сильвы» сменяют одна другую. Только из «Сильвы!» На протяжении всего обеда. День за днем, месяц за месяцем. Не думаю, чтобы оркестр не знал ничего иного. Скорее всего, капельмейстер мудро рассудил, что жизнерадостная музыка придаст нам, курсантам, бодрости и сил в предстоящей схватке с врагом.

После великой войны, вновь слушая в Ивановском театре «Сильву», «Марицу», «Баядера», я ловил себя на мысли, что Кальман всем нам стал еще ближе, еще понятнее. Ведь многие из сидевших в зале с боями прошли по дорогам Венгрии и Австрии, где жил и творил композитор. Прощли как освободители.

Наверное, бывали на спектаклях и те, кто насмерть стоял на берегах Балатона, отбивая ожесточенные вражеские контратаки, сражался на горящих улицах Шюфона, очищая от коричневой чумы родину Имре Кальмана.

...Шелестят листвою деревья, заглядывая в окна дома, где родился и провел юные годы Имре Кальман. Сейчас здесь музыкальная школа. Она носит его имя. Среди ее воспитанников я мысленно вижу тех, кого наследие Кальмана позовет в трудную и дальнюю дорогу — к новым музыкальным высотам.

В. ГЕРАСИМОВ.